

МЕТОДЫ МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ВИЗАНТИЙСКОЕ ВОЙСКО ПО "ТАКТИКЕ ЛЬВА"

Многочисленные и разнообразные источники, посвященные истории войн и военного дела Византии, позволяют с большой отчетливостью воссоздать картину византийского военного искусства. Гораздо более труден вопрос об общей военно-политической концепции византийцев на различных этапах истории империи, об изменении этой концепции в ходе исторического развития, о влиянии ее на различные стороны византийского военного искусства.

На основе общей военно-политической концепции формируется морально-политический фактор — важнейший показатель общего состояния армии данного общества в конкретный исторический период. Это и есть тот самый "воинский дух", который движет солдатом и военачальником в бою. Естественно, что абсолютизация этого "духа", изучение его в отрыве от конкретного экономического базиса, признание приоритета этого фактора над всеми остальными является порочным идеалистическим методом в подходе к событиям военной истории. В конечном итоге такой метод неминуемо приводит к искажению исторической правды. Наоборот, неприменный учет специфики явлений, строгий экономический и социально-политический анализ внутреннего и международного положения данного общества создают условия для глубокого и всестороннего изучения всех многочисленных и взаимосвязанных факторов, действующих в различных сторонах общественной жизни, в том числе и в армии.

Вместе с тем, следует непременно учитывать важнейшее положение марксистско-ленинской теории об относительной самостоятельности политических и идеологических институтов и учреждений и об их обратном влиянии на породивший их экономический базис. С этой точки зрения анализ морально-политического фактора поможет нам более детально разобраться в сложном комплексе экономических и социально-политических отношений в Византийской империи IX-X столетий.

Византийская армия IX-X вв. формировалась на специфической качественной основе. Это был период окончательного становления фемного строя, который в свою очередь явился естественным

следствием грандиозных экономических и социальных перемен предшествующих столетий. В результате этих перемен свободное крестьянское население стало преобладающей социальной группой в составе населения империи. Оно и послужило базой для создания византийской армии периода феменного строя.

Естественно, что эта новая социальная база вызвала к жизни целый ряд важных последствий. Изменилось положение армии в составе общественного организма. Сложилась новая основа для взаимоотношений между армией и остальным населением империи. Появились новые черты во взаимоотношениях начальников и подчиненных в самой армии, в состоянии ее дисциплины, в системе воинских наказаний и поощрений. Определенные изменения должны были произойти и в общей военной доктрине, во взглядах на проблему войны и мира.

Документом, отразившим этот своеобразный этап в развитии византийской военной организации периода феменного строя, явилась так называемая "Тактика Льва", созданная в конце IX века.^{1/} Этот трактат занимает важное место среди памятников военной литературы, выступая в качестве официального военного руководства в течение длительного периода времени.

Детальный анализ источника с целью определения его ценности не входит в задачи настоящей работы и должен стать предметом специального изучения. Мы ограничимся здесь лишь следующим общим замечанием. Компильтивный характер трактата, его тесная связь с предшествующей военной литературой /прежде всего, с т. н. "Стратегиконом" Псевдо-Маврикия/ являются неоспоримым фактом. В связи с этим нужно отметить, что текстуальные выписки из предшествующих трактатов в "Тактике Льва" не дают еще оснований отрицать всякую ценность этого сочинения. Это - типичная манера письма средневекового византийского автора, для которого дух и буква сочинений "древних" являлись непререкаемым авторитетом. Для сходных обстоятельств византийцы всегда предпочитали пользоваться готовыми формулировками, нежели выдумывать новые.^{2/} Теоретический характер сочинения также не является аргументом в пользу гиперкритиков.^{3/} Исходя из понятия тактики, Лев VI стремится дать идеальную картину поведения солдата в бою, максимально лучшую схему построения войска и самые результативные тактические приемы. Рекомендации же по достижению этих целей построены Львом на практической основе, с учетом условий места и времени. При этом характерно, что Лев не навязывает стратегию своих мнений в качестве неоспоримых догм, но предоставляет ему

широкую инициативу в соответствии с требованиями "природы вещей".

Весьма характерными являются рассуждения автора "Тактики" относительно условий, при которых следует начинать войну^{4/}. Полководцу рекомендуется быть всегда готовым к войне.^{5/} Однако, нападать на врага первым не следует.^{6/} Автор сочинения решительно подчеркивает свою приверженность к миру, к добрососедским отношениям с другими странами, к справедливости в отношениях с ними.^{7/} Прибегать к войне следует лишь тогда, когда военное столкновение спровоцировано врагами.^{8/} В таком случае полководец будет иметь серьезные основания для ведения войны. Ее следует вести с уверенностью, полагаясь на помощь бога, ибо такая война является справедливой со стороны империи и несправедливой со стороны врага.^{9/} Поэтому от полководца требуется всегда сохранять бдительность и боеготовность,^{10/} внимательно следить за происками врагов и в случае провокации уверенно выступать против них.^{11/}

Смысл приведенных рассуждений сводится к следующему основному правилу: причина войны должна быть законна. Этот старинный афоризм, упоминаемый еще Оносандром, содержится и в т.н. "Стратегиконе" Псевдо-Маврикия,^{12/} на который опирался автор "Тактики". Подводя итог своему сочинению, автор "Тактики" еще раз возвращается к этой мысли.^{13/}

После завершения войны, во время ведения мирных переговоров, полководцу рекомендуется быть особенно бдительным по отношению к врагам.^{14/} Гарантией успешных переговоров должно быть сохранение сильной армии; на этой основе можно быть твердым в своих позициях, решительно настаивать на своих требованиях и отметать чрезмерные притязания и вероломство врагов.^{15/} В отношении данных со своей стороны обязательств следует быть правдивым, не прибегать к коварству самому и срывать коварные замыслы врагов.^{16/}

Подобные взгляды автора на проблему войны и мира не являются, разумеется, случайными. Помимо влияния старинной византийской традиции,^{17/} здесь имеется по крайней мере двоякое объяснение. С одной стороны, следует учитывать серьезную внешнеполитическую обстановку, в которой находилась Византия на рубеже IX и X веков.^{18/} Напрягая все свои силы для отражения врагов, византийское правительство вынуждено было перейти к оборонитель-

ной тактике почти на всем протяжении своих границ. Естественно, что в таких условиях ему пришлось отказаться от широкой внешне-политической экспансии, одновременно уделяя много внимания подержанию боеспособности своей армии.

С другой стороны, византийское правительство вынуждено было проявлять большую заботу о сохранении своей армии с тех пор, как в ней стал преобладать национальный элемент. Неоправданные людские потери могли серьезно сказаться на экономике империи, так как стратиотское сословие было значительной экономической силой в период мирного времени.^{19/} В "Тактике Льва" уже содержится мысль о том, что сословия воинов и земледельцев - наиболее важные группы населения в государстве; об остальных сословиях можно заботиться меньше.^{20/} Эта мысль о важнейшей роли стратиотского сословия в государстве получила свое яркое отражение в аграрном законодательстве Македонской династии.^{21/} Поэтому становится понятным стремление автора сохранять свою армию и не обгагрять напрасно землю кровью ни своих соотечественников, ни варваров.^{22/}

Национальный характер армии^{23/} открывал возможность для нового типа взаимоотношений между армией и населением империи. Эти отношения содержали в себе черты большего единства и взаимопомощи, чем в период преобладания в армии наемного иноплеменного элемента. Хотя источник /вслед за "Стратегиконом"/ неоднократно указывает на случаи грабежа местного населения со стороны армии, на тяжелый ущерб, который может нанести местному населению длительное пребывание армии на одном месте, в особенности если эта армия очень многочисленна,^{24/} однако, рассуждения автора об общности интересов воинов и земледельцев,^{25/} его требования соблюдать интересы налогоплательщиков и земледельцев^{26/} имеют под собой более реальную почву, чем прежде.^{27/}

Используя важные последствия аграрного переворота УП - УШ веков, сущность которого заключается в соединении непосредственного производителя с землей, византийское правительство переложило функции обороны страны на плечи самого крестьянского населения империи. Характерно, что "Тактика Льва" не разграничивает стратиотов и крестьян, но говорит о них как о единой группе населения..^{28/} Поэтому "Тактика" отражает интересы свободных земледельческих общин, видевших смысл своего существования в мирной жизни, в мирном труде, и отвлекавшихся от него лишь постольку,

поскольку этого требовала необходимость.

Новые элементы появились и во взаимоотношениях между начальниками и подчиненными внутри самой армии, а также между архонтами различных рангов. "Тактика Льва" подробно останавливается на требованиях, предъявляемых к стратигу, посвящая этому вопросу специальную главу.^{29/} Характеристика качеств, которыми должен обладать стратиг, дается в гораздо более развернутом виде, чем в "Стратегиконе" Псевдо-Маврикия.^{30/} Если "Стратегикон" характеризует стратига почти исключительно с военной точки зрения, проявляя безразличие к его социальному положению, то "Тактика" уделяет этому последнему чрезвычайное большое внимание. Являясь свидетелем больших перемен, происходящих в византийском обществе этого времени,^{31/} автор "Тактики" особенно детально рассматривает вопрос о благородном происхождении стратига как одним из условий для занятия этого поста.^{32/} Автор "Тактики" считает, что благородство или неблагородство людей выявляется из их собственных дел и поступков,^{33/} а не определяется их происхождением. Однако, он тут же добавляет, что благородное происхождение является дополнительным шансом для кандидата на пост стратига.^{34/} Если же полководец обладает знатностью происхождения, но лишен необходимых военных качеств, то одно его происхождение недостаточно для замещения поста стратига.^{35/} Ссылаясь на личный опыт, автор указывает на случаи избрания стратигом человека бедного, род которого не отличался блеском и знатностью.^{36/}

Следовательно, позиция нашего автора по данному вопросу отличается двойственностью; последняя характерна для той части городской знати, которая заняла ведущее положение в Константинополе во время царствования Льва VI и представителем которой этот император являлся.^{37/} Не следует сбрасывать со счетов и известную социально-демагогическую направленность рассматриваемого сочинения Льва.^{38/} Вместе с тем, Лев VI не мог не видеть, что консолидирующаяся родовая знать, используя свое происхождение и растущее экономическое могущество, усиленно выдвигается на важнейшие командные посты в армии, и это не могло не найти отражения в нашем источнике. При назначении архонтов автор "Тактики" также рекомендует учитывать их благородство и материальное положение.^{39/} Обращаясь к архонтам, он советует им использовать свое материальное положение для того, чтобы теснее привязать к себе подчиненных путем оказания им материальной помощи из своих собственных средств.^{40/} В дальнейшем изложении автор возвращает-

ся к этой мысли неоднократно.^{41/}

По сведениям "Тактики" наиболее крупные архонты участвуют в военном совете при полководце.^{42/} Из источника следует вывод о значительной роли военного совета в этот период. Если в "Стратегиконе" свидетельства о роли и функциях военного совета являются эпизодическими,^{43/} то автор "Тактики" уделяет этому вопросу специальную главу и неоднократно упоминает о нем в дальнейшем изложении.^{44/} Цель совета заключается в том, чтобы выработать согласованные решения о военных действиях, а также о способах выполнения принятых решений. Одновременно устанавливаются сроки и назначаются ответственные лица.^{45/} Главная роль в совете отводится стратигу. В случае разногласий в совете ему рекомендуется не падать духом,^{46/} но твердо проводить свою линию. Однако, игнорировать мнение совета также не следует, ибо это не только не принесет пользу, но даже повредит.^{47/} Если обстановка не позволит созвать военный совет, стратигу все-таки необходимо привлечь для выработки решения хотя бы небольшой круг архонтов.^{48/} Перед началом сражения следует использовать даже малейшую возможность для военного совета.^{49/} Если дело очень секретное, следует стремиться к тому, чтобы о нем знали немногие, наиболее надежные и проверенные люди.^{50/} Автор "Тактики" рекомендует следовать старинному правилу: о том, что нужно сделать, можно советоваться со многими; о том же, что намерен сделать стратиг - лишь с немногими доверенными лицами.^{51/}

Более пристальное внимание автора "Тактики" к военному совету свидетельствует о повышении значения этого органа в византийской армии на рубеже IX - X вв. Из этого следует вывод о возрастающей роли военной верхушки в армии и об общем укреплении ее положения в системе византийских государственных учреждений.^{52/}

В отношении к рядовой массе византийской армии "Тактика Льва" рекомендует стратигу быть справедливым^{53/} и заботливым,^{54/} стремиться к тому, чтобы заслужить уважение и добрую славу у своих подчиненных.^{55/} Вместе с тем, автор предостерегает стратига от излишней мягкости, ибо это расслабляет воинскую дисциплину и порождает презрение к полководцу.^{56/} Не менее опасной для авторитета полководца является и неоправданная суровость и опрометчивость в наложении наказаний.^{57/}

Изучая вопрос о взаимоотношениях архонтов и стратиготов в византийской армии IX - X вв., можно прийти к выводу, что

"Тактика Льва" еще не носит следов той организационной структуры, которая характерна для феодальных армий западных стран. Даже Г. Дельбрюк, склонный чрезмерно модернизировать характер византийской армии рассматриваемого периода, вынужден признать, что в X веке дело еще не дошло до создания рыцарского сословия, а отношения начальников и подчиненных не были основаны на личной связи при помощи присяги на верность.^{58/} Институт вассалитета, являющийся основой средневекового феодального войска,^{59/} еще не зафиксирован в армии периода "Тактики Льва".

Система воинских наказаний и поощрений, действовавшая в армии, была направлена, с одной стороны, на то, чтобы пресечь возможность воинских проступков и преступлений, а с другой стороны — чтобы повысить заинтересованность солдат в ревностном исполнении своего воинского долга. Свод воинских наказаний, включенный в "Тактику", почти буквально воспроизводит аналогичное место из "Стратегикона".^{60/} Единственное серьезное дополнение содержится в отрывке УШ, 26. Здесь идет речь о наказаниях, которые налагаются на архонтов за использование стратиотов в своем хозяйстве, в связи с чем стратиот отвлекается от исполнения воинской службы.^{61/} В качестве возможных виновников здесь перечисляются турмархи, друнгарии, комиты и другие архонты, а также с-стратиг.^{62/} Виновные наказываются денежным штрафом в размере от 12 номисм до 1 литры золота в зависимости от должности архонта.^{63/}

Это дополнение является чрезвычайно важным. Следуя своему источнику почти дословно, автор "Тактики" все же не мог пройти мимо тех новых элементов в отношениях между архонтами и стратиотами, свидетелем которых он являлся. Период IX — X вв. был временем решительного наступления крепнущей феодальной верхушки на личность и имущество мелких собственников. Стратиотское землевладение и личность стратиота разделяли общую судьбу объектов феодальной экспансии.

Если по вопросу о воинских наказаниях сведения "Тактики" отличаются от сведений "Стратегикона" в незначительной степени, то относительно системы поощрений "Тактика" дает очень много нового. Создается впечатление, что основное внимание автора "Тактики" привлечено не к разработке карательных мер за воинские преступления, а к совершенствованию мер поощрения воинов. Такая тенденция может быть понята и объяснена: она учитывает коренные перемены в социальном и национальном составе византийской армии

в период фемного строя.

Уже во время воинских учений "Тактика Льва" рекомендует порицать нерадивых и проявивших трусость и поощрять мужественных.^{64/} В данном случае речь идет об устной благодарности перед строем; такое подведение итогов после проведенного учения автор трактата считает очень полезным, ибо оно побуждает нерадивых или проявивших трусость к исправлению. В боевой обстановке в качестве награды выступает захваченная в бою добыча, и прежде всего - оружие и доспехи,^{65/} а также пленные.^{66/} Распределение добычи производится с учетом той роли, которую воины играют в бою.^{67/} Преимущество получают при этом протостаты, т.е. воины, сражающиеся в первых шеренгах боевого строя, потому что они выносят на своих плечах основную тяжесть сражения.^{68/} Сверх материальных мер поощрения источник упоминает моральные.^{69/} Стратигу рекомендуется еще до начала сражения обещать воинам всяческие поощрения от имени императора.^{70/} Иногда, когда предстоит особенно опасное или ответственное дело, рекомендуется прибегать к вызову добровольцев с последующим вознаграждением отличившихся.^{71/}

Интересно специальное указание о вознаграждении деспотов, т.е. воинов, выделенных для спасения раненых: за каждого спасенного раненого стратиота деспотат получает /сверх обычного жалования/ денежное вознаграждение в размере I номисмы.^{72/}

Вся система идеологической работы среди воинов была рассчитана на поддержание и поднятие боевого духа армии, и в конечном счете - на обеспечение ее боеспособности. Большое значение приобретают беседы архонтов с воинами, в ходе которых, по мнению автора трактата, следует укреплять веру стратиотов в бога и в благодеяния императора, воспитывать любовь к своей родине и своему народу и т.д.^{73/} Для ведения таких бесед иногда выделяются специальные лица - кантаторы.^{74/} Впрочем, необходимо привлекать для этого и других архонтов и воинов.^{75/} Сам стратиг также должен обладать даром красноречия и уметь обратиться к войску в ответственные моменты.^{76/} Особенно большую разъяснительную работу автор "Тактики" рекомендует проводить в случае неблагоприятного исхода первого сражения.^{77/} Источник чрезвычайно высоко оценивает роль идеологической работы в армии, подчеркивает преимущества живого слова перед другими методами командования.^{78/}

Накануне сражения воины должны хорошо отдохнуть,^{79/} плотно пообедать^{80/} и находиться в спокойном расположении духа.

Для этого "Тактика Льва" советует стратигу перед сражением не утомлять воинов и не раздражать их наказаниями.^{81/} Недовольных стратиотов следует выделить из войска и на время сражения перевести их в другое место под благовидным предлогом, чтобы они не совершили предательство.^{82/} Это же следует непременно сделать в отношении соплеменников врагов, если они имеются в войске.^{83/}

Для большего сплочения своей армии стратигу рекомендуется использовать родственные связи между воинами. В связи с этим "Тактика Льва" считает очень полезным расставлять в боевых порядках родственников рядом друг с другом, а также учитывать и дружественные связи между стратиотами.^{84/} По мнению автора трактата, узы родства и дружбы будут способствовать большей боеспособности таких подразделений.^{85/}

Последнее замечание источника свидетельствует о сохранении родовых связей в византийской армии на рубеже IX - X вв.^{86/} Если учесть, что в "Стратегиконе" аналогичных указаний не имеется, то свидетельство "Тактики" приобретает еще больший интерес. Элементы родовых связей, сплачивавшие свободную крестьянскую общину, сохраняли свою силу и в тот период, когда представители этой общины привлекались к несению военной службы. Естественно, что этот факт мог быть использован в армейской практике с целью сплочения стратиотов в бою, повышения их инициативы, боевой активности и взаимовыручки. Автор "Тактики", внимательно изучая современную ему армейскую практику, включает это требование в свое сочинение и отводит ему важную роль.

Боевое построение армии, кроме военного аспекта, всегда учитывало и моральный. С этой точки зрения становятся понятными настойчивые рекомендации "Тактики" в первые и последние ряды строя ставить наиболее надежных воинов, а худших расставлять в середине между ними.^{87/} В подразделениях следует смешивать молодых воинов с ветеранами,^{88/} при этом на последних возлагались определенные обязанности по моральному воспитанию новичков. Выстраивание в две линии, кроме чисто военных преимуществ, обеспечивает и большую моральную выдержку впереди стоящих воинов.^{89/} В случае бегства первой линии вторая служит местом задержки бегущих; этим достигается успокоение их и привлечение к продолжению сражения.^{90/}

Источник также содержит советы о достижении морального перевеса над противником искусственным путем. Для этого даются следующие рекомендации. Если сторожевые посты захватят вражеских

пленных, и если они окажутся благородными и хорошо вооруженными, то их нужно тайно переправить в другое место и не показывать войску. Если же они будут "простыми", то перебежчиков следует показать войску, а захваченных силой нужно облачить и в таком жалком виде демонстрировать стратиотам, чтобы у них возбуждалось чувство превосходства по отношению к неприятелю.^{91/} Если война ведется против сильного народа, и войско проявляет робость, не следует решаться на генеральное сражение, но нужно с хорошо вооруженными и подготовленными воинами скрытно и тайно напасть на какое-либо подразделение врагов. Если стычка окажется удачной и враг понесет потери убитыми и пленными, то это следует использовать для поднятия духа своих воинов.^{92/} Имеется еще ряд рекомендаций подобного же типа.^{93/}

С этой же целью "Тактика Льва" требует от стратига тщательно скрывать от врага численность^{94/} и расположение^{95/} своего войска. Одновременно следует всемерно стремиться к тому, чтобы у противника складывалось ложное, невыгодное для него впечатление о византийском войске. Для этого, по мнению автора трактата, можно пользоваться следующими методами: увеличивать число знамен в войске, чтобы противник оценил численность византийцев большей, чем она есть на самом деле;^{96/} соединить две боевые линии на марше в одну, а в последующем снова разворачивать войско в две линии непосредственно перед самым сражением - для того, чтобы дезориентировать врага относительно численности и боевого порядка своей армии;^{97/} демонстрировать врагу немногих, специально отобранных и хорошо вооруженных воинов и архонтов, чтобы враг считал, что и остальные воины также искусны и хорошо вооружены;^{98/} искусственно повышать численность тяжело вооруженных воинов в составе армии, не останавливаясь даже перед прямыми подделками в вооружении и снаряжении.^{99/} Сильное психологическое воздействие на врагов, по мнению автора "Тактики", окажет следующий прием. До самого момента рукопашной схватки следует скрывать блеск оружия и доспехов, пряча их под верхней одеждой. Когда же строй сблизится с врагами, нужно неожиданно обнажить оружие и доспехи, чтобы их внезапный блеск вызвал панику среди врагов.^{100/}

Непосредственному сражению должны предшествовать меры по разложению армии врага, чтобы к моменту общего сражения враг был бы уже ослаблен.^{101/} Условия места и времени для сражения следует выбирать таким образом, чтобы извлечь максимальные вы-

годы для себя и затруднить действия противника.^{102/} Если войско противника составлено из различных народов, нужно подарками, милостями и красноречием стремиться к подкупу отдельных групп в составе этой армии.^{103/} Аналогичным образом нужно поступать, если внутри войска врага имеются враждующие партии.^{104/} Особенно тщательно следует организовать осаду вражеского города. Стеснив осажденных в отношении воды и пищи,^{105/} нужно выставить им условия сдачи города. Эти условия должны быть вначале не очень обременительными,^{106/} чтобы среди осажденных возник разлад,^{107/} выгодный для осаждающих. С этой же целью нужно весьма осмотрительно отнестись к захвату пленных во время осады. Молодых и крепких людей из числа пленных следует задержать в качестве заложников;¹⁰⁸ женщин, стариков, больных и детей следует отпустить назад в город.^{109/} Это будет выгодно в двух отношениях: во-первых, среди осажденных распространится мнение о филантропии осаждающих, следствием чего явится усиление разногласий в городе;^{110/} во-вторых, возвращение в город указанных лиц увеличит число едоков, но не усилит, а даже ослабит осажденных.^{111/} После захвата города следует отнестись благосклонно к жителям, чтобы и другие города, учитывая это, были более склонны к сдаче, чем к отчаянному сопротивлению.^{112/}

Большую пользу, по мнению автора "Тактики", можно извлечь из тех сведений, которые сообщаются вражескими перебежчиками.^{113/} Стратигу настоятельно рекомендуется в любом случае принимать всех тех, кто желает ему что-либо сообщить.^{114/} Пренебрежение к этим сведениям может весьма пагубно отразиться на планах и замыслах стратига.^{115/}

При описании методов сражений автор "Тактики" проявляет себя сторонником военных хитростей, засад и неожиданных фланговых нападений, окружений и ударов с тыла. Прямые лобовые удары расцениваются им как рискованные и опасные,^{116/} даже при условии равенства сил. Специальная глава / ХУП / сочинения посвящена разработке вопроса о неожиданных нападениях, в том числе ночных.^{117/} Такие виды нападений автор считает наиболее выгодными, ибо в ходе их в полной мере проявляется действие морального фактора и достигается максимальное военное преимущество.

Большое внимание уделяется вопросам религиозной службы в армии. Неоднократно упоминаются ежедневные молебны.^{118/} Перед сражением рекомендуется освятить знамена,^{119/} а также весь личный состав войска.^{120/} Благочестивость рассматривается как одно из ос-

новых качеств стратига и других архонтов.^{121/}

В конечном итоге религиозная служба в армии была направлена также на сплочение воинов, на укрепление их дисциплины. Определенный воспитательный элемент содержался и в армейской традиции почитания павших воинов. Источник вполне определенно подчеркивает, что почести, оказываемые павшим воинам, рассчитаны прежде всего на то, чтобы оказать моральное воздействие на живых, воздуть их на храбрость и самопожертвование в бою.^{122/}

Вместе с тем, следует отметить, что в "Тактике" не прослеживается стремления включить в систему идеологической работы среди воинов воспитание религиозного фанатизма, ненависти к "инаковерующим". Византийскому воинству был чужд и непонятен тот религиозный фанатизм, который был чрезвычайно характерен для армий соседних с Византией стран, а также для позднейших крестоносцев.

В конечном счете эта особенность объясняется спецификой того человеческого материала, с которым имели дело военные теоретики и практики. Византия не была национальным государством, но объединяла в своих границах различные национальные группы. Результатом являлась известная веротерпимость, исключая преимущественное внимание к одной религиозной системе и выдвижение ее на передний план за счет ущемления других. Поэтому религиозное воспитание в византийской армии не составляло основу морального воздействия, но являлось лишь его составным элементом,

Уделяя большое внимание моральному фактору в войне, автор "Тактики" даже склонен его рассматривать как главное условие военного успеха.^{123/} Если этот фактор дополняется тщательным использованием местности и благоприятного времени, применением военных хитростей, основанных на неожиданности и внезапности, — тогда успех кампании обеспечен даже без крупных сражений.^{124/} Однако, должно быть уделено большое внимание и специальной военной подготовке стратиотов, которая достигается в результате постоянных воинских учений. Источник весь пронизан идеей о необходимости регулярных воинских упражнений, и это требование вполне понятно, если учесть, что стратиоты не были кадровыми военными, и их постоянные занятия в мирное время не были связаны с военным делом. Чтобы ускорить военную подготовку стратиотов, автор "Тактики" предлагает проводить

Изменение социального состава византийской армии в период феодального строя, явившееся результатом важных перемен в социально-экономическом положении византийского общества, вызвало к жизни целый ряд новых элементов в системе военно-политических взглядов византийцев. Особенно наглядное проявление эти новшества нашли в состоянии морально-политического фактора византийской армии. Явившись документом своей эпохи, "Тактика Льва" отразила в себе эти новые элементы. Рассматриваемый трактат отражает состояние общественной идеологии того периода, когда свободная крестьянская община является основой экономики империи, а государственная власть еще находится в руках городской константинопольской знати.

Автор "Тактики", отдавая себе ясный отчет в возросшей ценности армии в системе государственных учреждений, усердно ищет методы достижения победы над противником с минимально возможными потерями со своей стороны. Важнейшим методом усиления своей армии автор трактата считает повышение ее морально-политического уровня. Имея объективную основу для деятельности в этом направлении /новый национальный и социальный состав армии/, наш автор разрабатывает подробные рекомендации для извлечения максимальной выгоды из нового состояния "воинского духа" византийской армии периода феодального строя.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1/ Основную литературу по "Тактике Льва" см. в известном труде Д. Моравчика /Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica. 2. Auflage, Berlin, 1958, S. 404 ff/. Здесь же - сведения об изданиях трактата. Незаконченное новейшее издание "Тактики" Р. Вари/Leonis Imperatoris tactica. Ad librorum mss fidem edidit, recensione Constantiniana auxit, fontes adiecit, praefatus est R. Vari. Sylloge Tacticorum Graecorum, t. 1; t. 2, fasc. prior, Budapestini, 1917 - 1922/, превратившееся в чрезвычайную библиографическую редкость, нам недоступно. Наиболее популярно в научной литературе издание "Тактики" в "Патрологии" Ж.Миня /PG, t. 107, 1865/; ниже все ссылки даются по этому изданию.
- 2/ См. об этом Gy. Moravcsik. La Tactique de Leon le Sage comme source historique hongroise. Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1, fasc. 2, Budapest, 1952, pp. 178-179.
- 3/ Ю. Кулаковский. Новизданный византийский трактат по военному делу. ВВ, УП, вып. 4, 1900, стр. 654; Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1938, стр. 145.
- 4/ Специальная статья по этому вопросу греческого исследователя Г. Михаэлидиса-Нуароса /Ο δίκαιος πόλεμος κατά τήν Τακτικήν τοῦ Λεωντος τοῦ Σαροῦ, Melanges Sefheriadis, Athenes, 1961, pp. 411-434/ посвящена изучению ряда частных проблем. В ней изучаются все места, где Лев говорит о справедливой войне, и перечисляются ее основные принципы /соблюдение договоров, законность причин для начала войны, отказ от агрессивных войн, мягкое обращение с побежденными, соблюдение права церковного убежища и т.д./ Истоки этих принципов исследователь ищет не в анализе социально-экономической обстановки, а в трудах "отцов церкви". С этой точки зрения взгляды Г. Михаэлидиса-Нуароса для нас неприменимы. Кроме того, в его концепции отчетливо звучат апологетические мотивы, на что обращено внимание Ф. Дэльгером /BZ, 54, 1961, S. 251/.
- 5/ "Тактика Льва", П, 48, р. 692 Д, 46-51; ср. 1, 14, р. 681 А, 4-10.
- 6/ Там же, П, 48, р. 692 Д, 48-51.
- 7/ Там же, П, 49, р. 692 Д, 52-58 - р. 693 А, 1-10.
- 8/ Там же, П, 50, р. 693 А, 11-13.
- 9/ Там же, П, 50, р. 693 А-В, 13-24.
- 10/ Там же, XX, 90, р. 1038 Д, 48-49. Ср. П, 48, р. 692 Д, 46-48.
- 11/ "Тактика Льва", П, 50, р. 693 В, 21-24.
- 12/ "Стратегикон", УШ, 2, р. 1836, 20-21. Источник цитируется нами по изданию И. Шеффера /Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim. Graece primus edit, versione latina notisque illustrat Joannes Scefferus, Upsaliae, 1664. Имеется русский перевод "Стратегикона" М. Цыбышева, сделанный с латинского изложения этого источника /СПб, 1903/. Рецензию Ю. Кулаковского на этот перевод см. в ЖМНП, часть 350, дек. 1903, стр. 525-553. Качество издания "Стратегикона" И. Шеффером не соответствует уровню современных требований. /см. об этом Zachariae von Lingenthal. Wissenschaft und Recht für das Heer von 6. bis zum Anfang des 10. Jahrhunderts. BZ, 3, 1894, SS. 439-441. Зачастую нарывается нумерация страниц. Так, напр., имеется сразу две страницы под номером 183. Поэтому мы условно обозначаем их как стр. 183а и стр. 183б.
- 13/ "Тактика Льва", XX, 58, р. 1028 Д, 56-57.
- 14/ "Тактика Льва", ХУ1, 17, р. 912 С, 32-39.

- 15/ Там же, XV/1, 18, p. 912 C-D, 40-48.
- 16/ Там же.
- 17/ См., напр., анонимный византийский трактат VI века /H. Kochly und W. Rüstow. Der Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft. Griechische Kriegsschriftsteller. Zweiter Teil: Die Taktiker. 2-te Ableitung, Leipzig, 1855/, IV, 2, p. 56.
- 18/ См. М.В. Левченко. История Византии. М.-Л., 1940, стр. 156 и слл.
- 19/ "Тактика Льва", XX, 71, p. 1032 C. 29-43; ср. IV, 1, pp. 697-700.
- 20/ Там же, XI, 11, p. 794 D, 55 - p. 796 A, 1-12.
- 21/ См., напр., новеллу Константина Багрянородного о военных участках - В.Г. Васильевский. Труды, т. IV, М., 1930, стр. 287.
- 22/ "Тактика Льва", П, 49, p. 692 D, 57-58.
- 23/ Строго говоря, византийская армия не являлась "национальной" в тесном смысле слова, ибо формировалась из представителей различных национальностей, проживавших на территории империи. Поэтому здесь и в дальнейшем мы употребляем это выражение для обозначения определенного периода в развитии византийской военной организации, когда армия составлялась не из наемников, а из самих жителей империи, т.е. когда армия была, так сказать, национализирована. Многонациональный состав населения империи являлся фактором, с которым правительство было вынуждено считаться. "Тактика Льва" не содержит указаний на предпочтение одних национальностей в ущерб интересам других. Естественно, что выделение одной национальности из числа проживавших в империи /и, следовательно, представленных в армии/ не представляло интереса для правительства, ибо могло вызвать недовольство остальной массы. "Тактика Льва" повсюду говорит о стратиотах в целом, хотя и содержит косвенные указания на то, что в армии имелись представители различных национальностей, в том числе и тех, с которыми могла вестись война /"Тактика Льва", XII, 5, p. 844 D, 61-63/.
- 24/ "Тактика Льва", IX, 1-4, p. 768 B-D, 25-30; IX, 16, p. 772 B, 21-27 и др.
- 25/ Там же, XI, 11, p. 794 D, 55 - p. 796 A, 1-12.
- 26/ Там же, IX, 16, p. 772 B, 21-27.
- 27/ Ср. расхождения по этому вопросу во взглядах М.Я. Сызьмова /Проблемы иконоборчества в Византии. УЗ Свердловского гос. пединститута, 4, 1948, стр. 65/ и А.П. Каджана /Византийская армия в IX-X веках. УЗ Великолукского гос. пединститута, В. Луки, 1954, стр. 20; е г о же. Деревня и город в Византии в IX-X вв., М., 1960, стр. 153 слл./.
- 28/ Это положение, отмеченное А.П. Каджаном /Деревня и город, стр. 156/ противоречит его точке зрения, высказанной в 1954 году, о резком расхождении интересов армии и народа в период феодального строя.
- 29/ "Тактика Льва", глава П, p. 681-693.
- 30/ "Стратегикон", введение, p. 3-6.
- 31/ См. об этом А.П. Каджан. Крестьянские движения в Византии в X в. и аграрная политика императоров Македонской династии. ВВ, 5, 1952, стр. 82-85.
- 32/ "Тактика Льва", П, 15, p. 685 B, 16-19.
- 33/ Там же, П, 22, p. 688 A, 1-9. Ср. "Стратегикон", p. 191, 12-15.
- 34/ "Тактика Льва", П, 23, p. 688 A, 11-15; ср. П, 21, p. 686 D, 50-54 и др.
- 35/ Там же, П, 22, p. 688 A, 1-10; П, 24, p. 688 B, 16-28.
- 36/ Там же, П, 25, p. 688 C, 29-32.
- 37/ См. об этом М.Я. Сызьмов. Византийская книга эпарха. М., 1962, стр. 5-11, 21-22, 226 и др.

- 38/ Там же, стр. 106-107.
- 39/ "Тактика Льва", IY, 3, p. 700 В-Г. Весьма характерна формулировка применяемая при этом автором: *Οὐδὲν δὲ καλλίον καὶ εὐλαρωτάτους αὐτοὺς εἶναι καὶ εὐγενεῖς κατὰ τὸ τοῦ θεοῦ, καὶ τὴν τῆς ψυχῆς ἀρετὴν...*
- 40/ Там же, IY, 3, p. 700 С, 32-38.
- 41/ Напр. IY, 42, p. 708 Д, 50-55 и др. Вопрос о соотношении "аристократии по крови" и "аристократии по титулу" в Византии заслуживает специального рассмотрения. Посвященная этому вопросу статья Р. Гийана /R. Guiland. La noblesse de race a Byzance. Byzantinoslavica, IX, 2, 1948, pp. 307-314./ не решает проблему сущности, происхождения, развития этих двух категорий знати, но рассматривает их как существующие извечно и независимо друг от друга. Приведенные выше рекомендации "Тактики" /П, 21-22/ Р. Гийан /р. 314/ толкует как показатель практики злоупотреблений своим служебным положением со стороны представителей знати.
- 42/ "Тактика Льва", IY, 4, p. 700 С-Д, 39-48.
- 43/ "Стратегикон", УП, 9, p. 142, 13-17; УШ, 2, p. 185, 8-11.
- 44/ "Тактика Льва", Е, p. 693-697.
- 45/ Там же, Ш, 3, p. 695 А-В, 14-22; Ш, 13, p. 697 В, 16-18.
- 46/ Там же, Ш, 2, p. 693 А, 9-11.
- 47/ Там же, Ш, 15-16, p. 697 В-С, 24-38.
- 48/ "Тактика Льва", Ш, 6, p. 696 С, 33-44.
- 49/ Там же, ХШ, 8-9, p. 845 А-В, 15-24.
- 50/ Там же, Ш, 8, p. 696 Д, 50-54.
- 51/ "Стратегикон", УШ, 2, p. 185, 8-11.
- 52/ Интересно замечание "Тактики" /П, 12, p. 684 С-Д, 39-49/ о возможности привлечения к руководству армией опытной стратега, если они достигли зрелого возраста, способные дать совет и оказать помощь отцу.
- 53/ "Тактика Льва", П, 46, p. 692 С, 30-33; П, 47, p. 692 С, 34-45.
- 54/ Там же, П, 44, p. 692 В, 19-24.
- 55/ "Тактика Льва", П, 11, p. 684 С, 32-38.
- 56/ Там же, П, 36, p. 689 А, 10-14.
- 57/ Там же, П, 47, p. 692 С-Д, 34-45.
- 58/ Г. Дельбрих. История военного искусства, стр. 140. Тезис о "коренной перестройке армии /речь идет о второй половине X века.- В.К./, которая из феодного ополчения превращается в войско феодального типа" наиболее четко сформулирован А.П. Кадомцев в 1954 году /Византийская армия в IX-X вв., стр. 30/ и развит им в 1960 году /Деревня и город, стр. 159-160/.
- 59/ Ф. Мюринг. Очерки по истории войны и военного искусства. М., 1938, стр. 79.
- 60/ "Стратегикон", I, 6-8, pp. 34-40; "Тактика Льва", УШ, 1-25, pp. 764-768. Сравнительным изучением воинских наказаний по этим двум источникам занимался К.Э. Цахарие фон Лингенталь /Wissenschaft und Recht, BZ, 3, 1894, SS. 442-447/.
- 61/ "Тактика Льва", УШ, 26, p. 768 А-В, 11-19.
- 62/ Там же, УШ, 26, p. 768 В, 16-19.
- 63/ Там же.
- 64/ "Тактика Льва", УП, 20, p. 740 А-В, 13-16.
- 65/ Там же, ХП, 52, p. 820 Д, 49-58 - p. 821 А, 1-4.
- 66/ Там же, ХУ1, 10, p. 909, В, 19-20.
- 67/ Там же, ХУ1, 3-7, pp. 908-909.
- 68/ "Тактика Льва", ХП, 52, p. 820 Д, 49-58 - p. 821 А, 1-4.
- 69/ Там же, ХУ1, 10, p. 909 В, 25-29.

- 70/ Там же, XV, 116, р. 885 А-В, 13-24.
- 71/ Там же, XV, 20, р. 892 В-С, 29-30.
- 72/ Там же, XII, 51, р. 820 Д, 47-48.
- 73/ Там же, XII, 72, р. 828 А, 1-17; XII, 3, р. 844 В, 16-27.
- 74/ Там же, XII, 71, р. 825 Д, 45-56; XII, 121, р. 840 В, 20-25.
- 75/ Там же, XII, 71, р. 825 Д, 50-51.
- 76/ "Тактика Льва", II, 13, р. 684 Д, 50-54 - 685 А, 1-5.
- 77/ Там же, XIV, 17, 20-21, pp. 853, 856 и др.
- 78/ Там же, II, 13-14, pp. 684-685; II, 31, р. 688 Д, 47-49 и др.
- 79/ Там же, XII, 5, р. 844 С-Д, 39-44; XIV, 91, р. 877 В, 22-28 и др.
- 80/ Там же, XII, 7, р. 845 А, 7-14. Давать воинам перед сражением вино "Тактика Льва" запрещает /XIV, 92, р. 877 В-С, 31-33/. Ср. "Стратегикон", р. 361, 9-12.
- 81/ "Тактика Льва", XII, 5, р. 844 С-Д, 39-44.
- 82/ Там же, XII, 5, р. 844 Д, 45-51.
- 83/ Там же, XII, 5, р. 844 Д, 51-53. Характерно, что в "Стратегиконе" этот совет повторяется трижды /р. 141, 18-22; р. 147, 5-10; р. 169, 8-11/. Это указывает на разницу в национальном составе армии в VI в. и на рубеже IX-X вв.
- 84/ "Тактика Льва", IV, 39, р. 708 Б, 16-18.
- 85/ Там же, IV, 39 В, 18-24.
- 86/ Отмечено А.П. Кажданом. Крестьянские движения, ВВ, 5, 1952, стр. 79, прим. 2.
- 87/ "Тактика Льва", IV, 70, р. 716 А-В, 14-25; IV, 73, р. 716 С-Д, 43-52; ср. также IV, 34, р. 705 С-Д, 43-47.
- 88/ Там же, IV, 33; IV, 40; IV, 69; XII, 49; XII, 116 и др. Такой порядок имеет старинную традицию с римских времен.
- 89/ Там же, XII, 15, р. 809 В-С, 21-35.
- 90/ Там же, XII, 16, р. 809 С, 36-41.
- 91/ Там же, XII, 4, р. 844 С, 29-38. Ср. "Стратегикон", р. 140, 11-25.
- 92/ "Тактика Льва", XII, 12, р. 845 С-Д, 34-45.
- 93/ Там же, XIV, 9-10, р. 852 А, 5-19.
- 94/ Там же, XIV, 37, р. 850 В-С, 28-34; XII, 24, р. 812 С, 38-42.
- 95/ Там же, XIV, 5, р. 849 В, 24-29; XIV, 12, р. 852 В, 23-27.
- 96/ Там же, XII, 73, р. 828 В-С, 18-32. Эта хитрость была известна и автору "Стратегикона" - р. 75, 1-15.
- 97/ "Тактика Льва", XIV, 6, р. 849 С, 29-42.
- 98/ Там же, XV, 8, р. 888 Д, 39-48.
- 99/ "Тактика Льва", XV, 9, р. 888 Д, 49-54.
- 100/ Там же, XIV, 38, р. 860 С, 35-46; XIV, 112-113, р. 884 В-Д, 22-44.
- 101/ Указанное положение - старинное правило византийского военного искусства, - см. Византийский Аноним VI века, XXXII, 7, р. 162, 15-23 - р. 164, 1-3.
- 102/ "Тактика Льва", XII, 129, р. 841 А, 13-16; XIV, 110, р. 884 А, 1-9.
- 103/ Там же, XII, 130, р. 841 В, 22-24; ср. "Стратегикон", УП, 1, р. 136, 21-26.
- 104/ "Тактика Льва", XII, 131, р. 841 В, 25-27.
- 105/ Там же, XV, 7, р. 888 С, 33-36; XV, 22, р. 892 Д, 47-56.
- 106/ "Тактика Льва", XV, 11, р. 889 А, 3-7.
- 107/ Там же, XV, 11, р. 889 А, 7-10.
- 108/ Там же, XV, 23, р. 892 Д, 57-58 - р. 893 А, 1-9.
- 109/ Там же.
- 110/ Там же.
- 111/ Там же.
- 112/ Там же, XV, 37-41, pp. 896-897.
- 113/ Там же, XV, 36, р. 896 В-С, 20-36; XV, 17, р. 889 Д, 52-54.

- 114/ Там же, ХУ1, 21, р. 913 А-В, 7-18.
- 115/ "Тактика Льва", ХУ1, 21, р. 913 А-В, 7-18.
- 116/ Там же, ХП, 35-37, 137-138 и др.
- 117/ Мнение А.П. Кавдана /Византийская армия, стр. 29/ о том, что тактика ночного боя была создана византийцами в конце IX или начале X века, не является правильным. Еще в Анониме У1 века этому вопросу посвящена специальная глава /XXXIX, pp. 178-182/, где очень подробно рассматриваются все тонкости ведения ночного боя.
- 118/ "Тактика Льва", ХП, 115; Х1У, 1; ХУ1, 2 и др.
- 119/ Там же, ХП, 1, р. 844 А, 5-8.
- 120/ Там же, Х1У, 1, р. 848 Д, 47-53.
- 121/ "Тактика Льва", П, 38-41, pp. 689-692.
- 122/ Там же, ХУ1, 13, р. 909 Д, 55-59 - р. 912 А, 1-11.
- 123/ "Тактика Льва", ХП, 3, р. 805 Д, 47-52.
- 124/ Там же, ХП, 4, р. 805 Д, 53-57 - р. 808 А, 1-5.
- 125/ Там же, УП, 51, р. 749 А, 3-7 и др.